

Б.Н. Чичерин

Что такое охранительные начала?

1

Россия вступила в эпоху преобразований. Все чувствуют в них потребность - и правительство, и народ. Старый порядок оказался несостоятельным; мы стремимся к новому, лучшему будущему.

Естественно, что в такую пору все негодование либерального общественного мнения обращается на защитников отживающей старины. Слово "консерватор" сделалось у нас пугалом. При этом звуке русский либерал кипит злобой. Консерваторы виноваты во всем: и в нашей лени, и в нашем невежестве, и во взятках, которые существуют тысячу лет; и в том, что Россия не так богата, как Англия; и в том, что привозится больше товаров, нежели вывозится; и в том, что нельзя выпустить зараз на 500 миллионов новых ассигнаций; и в том, наконец, что с неба не падает талисман, который бы внезапным чудом разрешил все общественные вопросы к удовольствию всех и каждого. Консерватор у нас - синоним с тупым равнодушием к общественному благу, с презрением к народу, с своекорыстием вельмож, с нахальством чиновников, с лестью, обманом и лихоимством. В его черной душе таится одно лишь гнусное стремление к чинам и карьере. Малейший оттенок консерватизма немедленно ставит человека в разряд отсталых, отпетых людей и делает его предметом насмешек, брани и клеветы.

Консерваторам, старикам, противопоставляется молодежь. Не действительная молодежь, не та, которая с непогасшим еще огнем идеальных стремлений работает, готовясь на жизнь, а молодежь как нарицательное имя. В ее ряды с жадностью вступают и старцы, украшенные сединами, хотя, разумеется, 17-летний юноша всегда сохраняет преимущество даже над 30-летним мужчиною, который искушен уже соблазнами жизни, успел отведать запрещенного плода бюрократии. Молодежь - это все то, что в мыслях, но в особенности на словах окончательно разделалось со старым, не успев придумать ничего нового; все, что вечно кипит и негодует неизвестно часто зачем; все, что ратует во имя свободы и не терпит чужого мнения; все, что выезжает на фразах, не давая себе труда изучить и понять существующее;

все, что выкинуло из своих понятий категории действительного и возможного и осталось при одних лишь безграничных требованиях и ничем не сдержанных увлечениях.

Бедная молодежь! зачем твоим привлекательным именем окрестили это беспутное казачество, которое называется современным или передовым направлением в России? Впрочем, и настоящую молодежь успели сбить с толку. Как не поверить, когда юноше беспрестанно твердят: "Все старое - дурно, все новое - хорошо, ополчайся на врагов прогресса, Россия возложила на тебя свои надежды!" И юноша всем пылом свежей души ненавидит непонятое им старое и жаждет неизвестного ему нового.

Но что же это, в самом деле? что такое консерватизм, который возбуждает столь благородное негодование? что за прогресс, которого мы должны желать как манны небесной? Обращаясь к другим странам, мы видим, что там во главе охранительной партии стояли часто люди далеко не рядовые. Великий Питт был консерватор, сэр Роберт Пиль был консерватор; Гизо, Нибур, Савиньи были консерваторы. Везде, где существует политическая свобода, охранительная партия является одною из действующих сил; без нее политическая жизнь становится почти невозможною. Очевидно, что тут нечто более, нежели тупая рутина или привязанность к материальным выгодам, которые доставляются существующим порядком. В основании этой силы лежат начала, которые коренятся глубоко в свойствах человеческого духа и управляют развитием человеческих обществ.

Многие представляют себе прогресс в виде бесконечного движения вперед. Точно люди взапуски бегут к скрывающейся вдали цели. Первенство принадлежит тому, кто бежит скорее, кто, скинув с себя все ненужное бремя, даже самую одежду, налегке пускается в путь и перегоняет соперников. Или если мы представим человеческое общество в виде корабля, плывущего по волнам истории, то прогрессисты этого рода сочтут себя обязанными столпиться на самой передней части носа, забывая, что не оттуда управляют рулем, они найдут ход корабля слишком медленным, они ополчатся на капитана за то, что он не распускает всех парусов; они захотят опередить самое судно, кидаясь вперед в волны океана, не имеющего ни границ, ни покоя, как их собственные требования и мечты. Другие пассажиры, напротив, вознегодуют за то, что корабль идет не тем путем, каким бы они хотели. Они также кидаются в волны, только не спереди, а сзади, и, так же как первые, исчезают в безбрежном океане напрасных сожалений. А корабль идет себе своим мерным ходом, оставляя позади и негодующих, и нетерпеливых. Экипаж и пассажиры распределяются в нем каждый на своем

месте; сзади всех стоит кормчий, который управляет его бегом. Вой бури, колыхание океана, крик и толки пассажиров - все это нипочем. Беда только, если кормчий покинет свое место и побежит вперед за прогрессистами или же своротит судно против ветра и волн в угоду вздыхателям о былом.

Прогресс не состоит в вечном, безостановочном движении вперед. История народов - не вода, которая течет непрерывно, потому что не имеет в себе твердых стихий, которые бы удерживали ее на месте. История есть развитие внутренних сил, углубление в себя, изложение тех начал, которые лежат в существе человеческого духа. Они-то составляют основу общественной организации; около них, как около зерна, группируются кристаллы общественной жизни.

Общество состоит из лиц, из которых каждое имеет свою самостоятельную жизнь, свой маленький мир частных стремлений и интересов. Но лица не замыкаются в этой тесной сфере; это не рассеянные единицы, которые скрепляются внешнею механическою силою. Духовная жизнь человека состоит в единении с другими; лица связываются между собою общением мыслей, интересов, нравственных идей, в силу которых человек видит в человеке товарища, помощника и брата. Эти общие начала суть исторические силы, которые владычествуют над людьми и соединяют их в постоянные, более или менее прочно организованные группы. Таковы семейство, сословие, церковь, государство. Высшие организмы, например государство, сами слагаются из отдельных групп, из которых каждая связуется присущим ей общественным или нравственным началом. Разумная жизнь каждого человека состоит в том, что он примыкает к той или другой группе, наполняется общим ее содержанием и сам действует на ее пользу. Таким образом, человеческое общество составляет сложный организм, скрепленный внутренними, твердыми началами, которые не дают ему бродить по прихоти случая или рассыпаться при первом толчке.

Если бы эти скрепляющие, зиждущие начала общественного устройства вечно оставались одни и те же, общество пребывало бы неподвижным. Его развитие, как рост дерева, состояло бы единственно в прибавлении новых ветвей к существующим, в количественном возрастании сил. Но человеческий дух, углубляясь в себя, излагая свои определения, проходит чрез различные формы, которые, составляя развитие одной духовной природы, тем не менее качественно отличаются друг от друга. Вследствие этого историческое развитие представляет ряд органических формаций, из которых каждая имеет свои связующие начала, нередко противоположные прежним. Отсюда борьба старого с новым, отсюда движение, которое изменяет существующее устройство. Но цель всякого

движения - не просто освобождение лица от прежних определений, а переход к новым органическим началам, к новому, крепкому строению жизни. Движение для движения не только бессмысленно, но и губительно для общества. Одною проповедью свободы, одним разрушением старого, в надежде, что из этого что-нибудь выйдет, водворяется только анархия, которая в силу присущей человеку потребности органических начал сама приводит к реакции, но которая слишком дорого обходится народу, не умевшему ее предупредить.

Из этого отношения основных начал жизни к элементам движения ясно отношение охранительной партии к прогрессивной. Последняя представляет в обществе элемент движения. Задача ее - не дать существующему порядку застояться, окаменеть в своем устройстве; она пробуждает дремлющие силы и содействует переходу жизни в новую, высшую форму. Но чисто прогрессивное направление неспособно к организации; за прелестью свободы, за беспокойством движения оно слишком часто забывает, что общество нуждается в твердых основах, в постоянных жизненных началах, за которые бы оно могло держаться, вокруг которых оно могло бы окрепнуть. Уразумение этих жизненных основ - вот задача охранительной партии. Она их недремлющий сторож и защитник. Она допускает перемены только во имя начал организующих, а не разлагающих. Разгулу свободы, шатанию мысли она противопоставляет те силы, которые связывают общество и дают ему внутреннюю крепость. Где нет партии прогресса, там народ погружается в восточную неподвижность; но где нет охранительной партии, там общественный быт представляет только бессмысленный хаос, вечное брожение, анархию, немыслимую в разумном общежитии. Без первой - невозможно движение, но без второй невозможна никакая организация, невозможна, следовательно, гражданская жизнь и все, что дает высшее значение человеку. Горе народу, который извергнет из своей среды охранительные начала!

Таково существенное значение консервативного направления, такова роль его в обществе. При этих основных чертах оно может, однако, принимать различные виды.

2

Главная сила охранительной партии всегда лежит в бессознательном инстинкте народных масс. Огромное большинство людей живет непосредственным чувством, привычкою, безотчетным приобщением к той среде, в которой они родились, воспитались и действуют, с которою

переплетены все их интересы. Нужен в обществе страшный разлад или вопиющая неправда, чтобы возбудить в массах ненависть к существующему порядку. Пока жизнь сносна, народ естественно подчиняется силе обычая, дорожит преданием, отвращается от новизны и преклоняется перед вековым авторитетом.

Но на бессознательном чувстве народа нельзя основать разумной гражданской жизни. Высшее значение человека состоит в сознании; в нем та духовная сила, которая движет историю народов. Поэтому во главе общества всегда стоят высшие классы, в которых развивается разумное сознание. Если охранительная партия хочет удержать свое общественное значение, она в силу неизбежного закона должна возвести свои начала к сознательной мысли. "Сознавай себя или гибни!" - таков приговор истории.

Между тем и на вершинах общества охранительное направление нередко опирается на одну рутину, на слепую привязанность к старине, на идолопоклонство перед существующим порядком. Пока общество дремлет, это направление может в нем господствовать; но как скоро пробудилась общественная мысль, оно с трудом противостоит напору даже слабого разума. Окончательно оно удержаться не в силах. В руках консерваторов-рутинистов существующий порядок обречен на падение.

Охранительная партия в Европе не осталась при этой низшей своей форме. Она развила свои начала в сознательное учение, в мировую доктрину, которую она противопоставила революционной пропаганде. Французская революция выступила во имя прав человека, во имя свободы и равенства. Одностороннее развитие этих начал и нравственное бессилие существующей власти повели к анархии, из которой естественным ходом вещей возник деспотизм. Наполеон восстановил ослабленную власть и тем утвердил революцию, придав ей организующие элементы, без которых она не могла существовать. Но злоупотребление силой повело к падению завоевателя; приверженцы старого порядка остались победителями и уничтожили все следы революционных властей. Как же воспользовались они своим торжеством? Охранительные начала были возведены в абсолютную теорию, которая утверждала власть на божественном установлении и безусловно отрицала всякое движение, всякие народные права: задачей властителей Европы сделалось возвращение к старым формам, подавление революционных попыток везде, где бы они ни проявлялись. Задача односторонняя и отрицательная. Охранительная система двадцатых годов была скорее реакцией против исторического движения Нового времени, нежели уразумением истинных оснований современных обществ. Движение

могло быть временно сдержано, но не подавлено. Существенные потребности европейских народов проявились тем с большею силою, чем меньше им было дано законного исхода, и охранительная система пала среди анархического брожения, которое было вызвано собственною ее ограниченностью и упорством.

Возобновлять подобные попытки, воскрешать отжившие теории - безумно. В новом бою не следует вытаскивать заржавленное оружие из старого арсенала. Оно окажется негодным и сломается в руках тех, кто захочет его употреблять.

Иного рода консервативная система установилась во Франции после июльской революции. Здесь она явилась не под знаменем абсолютизма, а выступила во имя более либеральной, хотя столь же безусловной теории конституционной монархии. Это учение должно было служить противодействием революционному направлению и демократии. Конституционная монархия сомкнулась в тесный кружок, который выдавался за единственный, способный управлять государством. Лозунгом ее сделалось сопротивление всякому преобразованию, в особенности же расширению политических прав. Великий историк, который так долго стоял во главе министерства, принял на себя возведение в доктрину системы, изобретенной Людовиком-Филиппом. Но и здесь оказалась несостоятельность этой доктринальной попытки. Престол Людовика-Филиппа рушился при первом движении февральской революции.

Никакая общая теория не может служить основанием для охранительной системы по той простой причине, что устройство и потребности обществ разнообразны до бесконечности и изменяются исторически. Нет сомнения, что человеческие общества зиждутся на некоторых общих началах, одинаково необходимых для всех. Власть, суд, закон составляют принадлежность каждого государства. Но на таких отвлеченных принципах невозможно основать практической программы и положительного политического направления. Тут нужно содержание более живое, более близкое к действительным, местным условиям среды. Охранительные начала в каждом обществе почерпаются не из теорий, а из действительности; они даются историческим развитием народа и настоящим его состоянием.

Если мы взглянем на те охранительные системы, которые имели успех, мы увидим, что они держались именно этого практического направления. Английские консерваторы не строят всемирных учений; они действуют во имя исторических начал английского народа, изменяя их сообразно с наступающими потребностями. Наполеон III противопоставил революции те

элементы власти, которым основание положено было французскими королями и которые утверждены могучею рукою Наполеона I. Но и французская империя не отрицает потребностей свободы. Конституционные начала вводятся более и более, по мере того как Франция, к ним привыкшая, ощущает в них нужду.

В каждом данном государстве предстоит та же практическая задача. Охранительные начала будут иные в демократическом правлении, иные - в конституционной монархии, иные - в самодержавии. Те либеральные учреждения, которые при известном состоянии общества служат опорой порядка при других обстоятельствах, производят общее расстройство. Везде охранительная партия должна опираться на то, что есть, а не на то, чего можно бы желать.

Первое место в существующих основах общежития занимают те начала, которые утвердились преданием, которые получили силу вековым своим значением в истории народа. Они составляют краеугольный камень всякого общественного устройства. Не слепая привязанность к старине придает им это значение, а тот простой факт, что всякое общественное начало тогда только приобретает действительную силу, когда оно что-нибудь произвело, когда с ним связаны жизненные интересы граждан, когда люди получили к нему уважение вследствие принесенной им пользы и той внутренней крепости, которую оно проявило на деле. Чем продолжительнее эта деятельность, тем самое начало становится более могучим. Новый элемент всегда является слабым. При дальнейшем движении жизни он, в свою очередь, может стать во главе развития и вытеснить старые начала; но для этого он должен окрепнуть, действуя сперва незаметно под сенью старинных сил. Он должен на опыте доказать свою состоятельность и свое соответствие истинным нуждам общества. Время утверждает за ним право существования, группирует около него интересы, приобретает ему привязанность народа. Поэтому исторические начала всегда служат для охранительной партии самую твердую точку опоры.

Но исторические начала изнашиваются, слабеют, теряют прежнее свое значение. Держаться их во что бы ни стало при изменившихся обстоятельствах, при новом строении жизни - значит лишать себя всякой надежды на успех. Это романтизм, а не охранительное направление. Если старый камень силою векового трения обратился в песок, безумно утверждать на нем здание. Надобно искать новых опор, которые могли бы заменить прежние. Законная монархия имела во Франции огромное историческое значение; но нынешние французские легитимисты - романтики, а не консерваторы. Они живут в прошедшем, а не в настоящем. Такие же

романтики и немецкие феодалы, которые среди новой жизни мечтают о сохранении или даже о восстановлении средневековых форм.

Если охранительная партия не хочет намеренно связать себя по рукам и по ногам и ограничиться ролью жертвы, обреченной на заклятие, - она не может быть врагом свободы и преобразований. Либеральные законы, незыблемые гарантии свободы могут стать более прочною твердыней общественного порядка, нежели шаткость чиновничьего произвола. Английские консерваторы сами берут инициативу реформ, когда наступило для этого время. Людовик-Наполеон сам вводит конституционные начала, потому что во Франции без этого нельзя обойтись. Когда общество движется, невозможно оставаться на месте. Но и в преобразованиях консервативная партия ищет тех основных положений, из которых может развиваться прочная организация. Она остается верна своему характеру. Ее созидающему духу противны мечтательные требования, общие фразы, неопределенные надежды, беспокойное брожение, разрушение во имя скрытых сил и неизвестного будущего. Она тогда только соглашается на изменение существующего, когда на место старого можно поставить новое, столь же, если не более прочное, и тогда она это новое охраняет с такою же непоколебимою энергиею, с какою некогда охраняла отжившую старину.

Таким образом, если характер охранительного направления вечно остается один и тот же - привязанность к основным началам гражданского устройства в противоположность элементам движения, то содержание его изгоняется с изменением самой жизни народа. Вся задача сводится, следовательно, к практическому пониманию существующего; надобно отгадать те силы, которые имеют в себе залог прочности, которые в данную минуту должны лежать в основании общественной организации.

При обыкновенном течении жизни сделать это не трудно. Настоящее тесно связано с прошедшим; в жизни действуют те элементы, которые выработались исторически, которые явны для каждого, от которых даже отрешиться нелегко. Совсем другое, когда общество находится в состоянии переходном, когда оно обновляется всецело, когда преобразования идут по всем частям. Здесь мудрено сказать, что следует сохранить и с чем надобно проститься, что имеет еще в себе достаточную силу для дальнейшего существования и что износилось, обветшало и должно быть отброшено как лишнее существенного значения.

В таком положении находится теперь Россия. Что сохранять там, где все изменяется? Благоразумно ли задерживать движение там, где все стремится к новому порядку?

К этому вопросу мы должны теперь обратиться.

Россия обновляется; все части государственного управления подвергаются преобразованию; все движется, стремится, волнуется, негодует; везде борьба с старым порядком и пламенные надежды на новый. На чем тут остановиться? где найти точки опоры?

Если мы взглянем на ту работу, которая предстоит и законодателю, и обществу, задача покажется нам громадной, почти необъятной. Одно освобождение крестьян - такой жизненный переворот, какие случаются веками. От общего государственного строения до частного быта все разом сдвигается с места и получает новое направление. К этому присоединяется преобразование суда, финансов, администрации, распространение просвещения, огромные экономические предприятия, наконец, искоренение всех зол, которые накопились веками и накалились у нас на сердце: лжи, лихоимства, неправды, притеснений. Русское общество отвернулось от своего прошедшего; оно хочет надеть на себя новый лик и явиться преобразенным в сонме европейских народов.

Громадность подобной задачи не может не смутить всякого, кто взглянет на нее хладнокровно. Если мы развернем страницы истории, мы увидим, что подобные переломы в народной жизни совершались либо деспотизмом, либо революцией, лучше сказать - деспотизмом сверху или деспотизмом снизу. Иначе и быть не может. Там, где замешано столько противоположных интересов и страстей самых близких человеку и самых живых, там разом повернуть и порушить дело можно только насилием. Где одновременно расшатываются все основы здания, нужна всеподавляющая сила, чтобы сдерживать поколебленное общество. Такою силой может быть или энергия масс, или рука деспота. Нетерпеливые нововводители бессознательно напрашиваются на то или другое. Но те, которые не хотят ни железного ига властителя, ни буйства революционных страстей, могут желать только прогресса умеренного и постепенных преобразований. Время - великий деятель, который укрощает страсти, примиряет с переменами, прилаживает интересы к новым условиям, убеждает людей в необходимости сделок и уступок. Когда под влиянием времени известное преобразование, глубоко охватывающее жизнь, окрепло и установилось, когда общество применилось к новому порядку, тогда безопасно приступать к дальнейшим реформам. Но разом изменять все, затрагивать все страсти, все интересы - значит возбуждать брожение, с которым не всегда легко справиться.

Недоумение увеличивается, если мы посмотрим на те силы, с которыми Россия приступает к своему обновлению. Несмотря на возбужденные надежды, на проснувшуюся жизнь, несмотря на действительные гражданские успехи, которые мы сделали в последние годы, русское общество представляет в настоящую минуту весьма грустное зрелище. Никогда еще не оказывалось такого разлада между величием цели и ничтожеством средств, между требованиями и действительностью, между словом и делом. С одной стороны - безграничные притязания, непоколебимая самоуверенность, исступленная критика, громкие фразы; с другой - самое скудное образование, отсутствие первоначальных понятий, шарлатанство, лень, своекорыстие, нетерпимость, неспособность к практической деятельности, страсть к эффектам при совершенном равнодушии к пользе отечества. Под покровом любви к свободе, сознания права, восторженного стремления к лучшему порядку в обществе скрываются - раздражение личных интересов, злоба за отнятое право над человеком, политическое легкомыслие, страсть к шуму, опьянение той общественною пляской, в которой тысячи голосов ревут зараз, не понимая друг друга и ругаясь на все стороны. Еще менее утешительное зрелище представляет наша литература, глашатай общественного мнения. Среди немногих серьезных произведений зреющей мысли и более широкой свободы как часто в ней встречаются явления, в которых, по-видимому, исчезли не только спокойное и разумное понимание вещей, но даже стыд и совесть! Глубочайшее невежество и самая дикая наглость драпируются в покров горячей любви к народу, гуманности, либерализма, современных идей. На первый план выдвигаются личные вопросы, самолюбивая раздражительность, возмутительные выходки, сплетни, пасквили, брань и скандалы, от которых с омерзением отвертывается всякий, кто в печатном слове ищет поучения или кто привык уважать человеческую мысль.

Куда бы мы ни обратились, везде мы встретим противоположное тому, чего следовало бы ожидать: где нужны твердость, энергия, обдуманый образ действия, обнаруживаются шаткость, двусмыслие, боязливость, мелкое искание популярности, эгоистические виды, отсутствие всяких идей; где нужен разумный практический взгляд на вещи, является пустое, легкомысленное увлечение, упивающееся собственным задором, глухое к голосу рассудка. Отрадные явления можно встретить только там, где дело совершается невидимо и неслышно, вдали от общественного шума, в тишине кабинета или в глуши провинциальной жизни. Такое явление представляют нам мировые посредники, не те, которые выезжают на либеральных эффектах, а те, которые, честно и усердно исполняя свои обязанности,

стараятся порешить на месте великий вопрос, от которого зависит судьба России. Вот те силы, на которые может надеяться русская земля.

Наше общество, очевидно, не готово к тому делу, которое оно призвано совершить. После долгой дремоты оно было застигнуто врасплох восточною войной и севастопольским разгромом. Оно встрепенулось, перед ним открылось широкое поле, а в силах оказывается бедность. Подобные примеры нередко повторялись в истории. Поднимается крик: "Растворите двери, и на сцену выступит множество свежих, молодых деятелей, которые принуждены скрываться в неизвестности!" Двери растворяются настежь, и появляется только толпа неприготовленных крикунов. Когда в обществе есть серьезные элементы, они пробиваются и действуют непременно, несмотря ни на какие преграды. Внешнее давление возможно только при отсутствии внутренних сил.

Теперь, когда дышать стало свободнее, когда преобразования на каждом шагу открывают новую возможность действовать, все еще продолжается прежний вопль. Мало того: он усиливается с каждым днем. Никто не хочет видеть того, что совершилось и совершается; преобразования встречаются всеобщим равнодушием, если не враждою. Забывают громадные государственные меры и устремляют все внимание на мелкие интриги бюрократов. Все требуют новых перемен в ожидании, что мановением волшебного жезла разрешатся наши затруднения; все убеждены, что стоит правительству захотеть - и водворится всеобщее благоденствие. Как будто изменением статей Свода законов да сменой нескольких администраторов, да еще новым и новым разглагольствованием возможно обновить Россию! Мы ищем лекарства не там, где оно находится. И корень зла, и средства врачевания лежат не в учреждениях, не во внешних условиях, а в нас самих. Настоящая наша задача состоит не в стремлении к новому, не в перемене людей и учреждений, а в работе над собою, в исполнении того, что уже дается жизнью. Нам нужно отрезвиться, заняться делом, разумно взглянуть на то, что нас окружает, приготовиться к той широкой деятельности, которая нам предстоит. А для этого необходимо воздержание. Не в безмерных требованиях, не в бесплодном раздражении найдем мы путь к лучшему порядку, а в спокойной работе мысли и в серьезной практической деятельности.

Это успокоение страстей, это возвращение общества к внутренней работе, может совершиться двояким образом. Или твердая рука власти, пресекая всякие неумеренные проявления, неуклонно направляя народ к предположенной цели, несмотря на шум и волнение, заставит общество от бесплодных криков обратиться к тому, что практически возможно; или же

само общество образумится, придет в себя, поймет, наконец, свое положение и предстоящее ему дело. Последний путь несравненно лучше первого. Насильно данное направление никогда не может быть так плодотворно, как самостоятельная мысль. Насилие производит раздражение или равнодушие. Только мысль, созревшая в самом человеке, дает ему ту силу воли, то самообладание, которые необходимы для разумной деятельности. Поэтому в настоящее время в том положении, в котором находится Россия, дело первостепенной важности - возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранения порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания. Если эта энергия появится не только в правительстве, но и в самом народе, Россия может без опасения глядеть на свое будущее.

Нельзя скрывать от себя тех трудностей, которые предстоят образованию консервативного мнения в настоящую пору. Общество влечется в одну сторону вследствие данного ему толчка; приобретенная скорость усиливает это движение. Возможно ли ему противодействовать? Плыть против течения всегда нелегко; у нас это вдвойне трудно, потому что не за что ухватиться, не на что опереться. К чему служат воззвания к разумным силам, увещания насчет потребности порядка там, где не существует никаких гражданских понятий, где уровень просвещения не дает даже первоначальных сведений о праве, об обязанностях, о государственном устройстве, где всякое слово понимается в превратном смысле, где все хотят разом кричать и никто не расположен слушать? Возможен ли дружный отпор там, где люди не имеют довольно энергии, чтобы стоять на собственных ногах и общими силами отражать удары, а предпочитают предаваться стремлению потока или слабодушно становиться поодаль, пожимая плечами? При нашей бесконечной распушенности при вялости нашего нрава, при том хаосе, который у нас господствует, остается единственная надежда на силу вещей, на окончательное торжество благоразумия в массах. Но на этом не следует ни успокаиваться, ни слабеть. Если русское общество способно к самостоятельной деятельности, то из этой бродячей массы, в которой все ускользает из рук, должны выделиться различные направления - зародыш партий. Теперь настала для этого пора; теперь наше дело - идти к этому внутреннему строению общества, без которого невозможна политическая жизнь.

Другое важное препятствие, которое представляется у нас образованию охранительной партии, состоит в трудности откровенно обсуждать все

вопросы, вполне высказывать свою мысль. Где не допускается порицание, невозможна и похвала; остается, следовательно, молчать. Трусость и лень с жадностью хватаются за этот предлог, чтобы устраниваться от деятельности. На этом выезжают и противники того направления, которое имеет большую возможность высказываться явно. В нашей литературе, которая не знает деликатности ни в чем, в этом случае вдруг является необыкновенная деликатность: не смей говорить против тех, кто не может вполне выразить свою мысль! Привилегия слова дается косвенной оппозиции.

На этом возражении останавливаться нечего. Оно налагает только обязанность оказывать большее уважение противникам, которые не могут защищаться открыто; но оно не должно зажимать уста искреннему убеждению. Притом, где нет свободы слова, перевес всегда на стороне оппозиционной мысли, потому что естественное чувство человека склоняет его на сторону слабого, и запрещенный плод имеет слишком много прелести. Тем с большею настойчивостью следует предостерегать от плода ядовитого.

Важнее то обстоятельство, что охранительное направление рискует сделаться солидарным со всяким делом, о котором оно не может говорить. На него возложится ответственность за чужие ошибки; на него посыпятся обвинения в том, что оно стоит не за идеи, не за общее благо, а за существующий факт, каков бы он ни был. Здесь главный камень преткновения. Но и перед этим останавливаться нельзя. Возможность превратных толков, недоразумений и клеветы не должна отклонять гражданина от такого образа действий, который он считает полезным для отечества. Тут личные опасения должны умолкнуть.

Какими же началами может руководствоваться охранительное направление в России? Какие элементы дает ему старый порядок и что приобретает оно в новом? Укажем на некоторые основные точки опоры.

Первый элемент, который дается нам историей и который является насущною потребностью настоящего времени, - это сила власти.

Всякое общество требует известного единства. Без него невозможны ни общая жизнь, ни порядок, ни гражданское устройство. Это единство может установиться двояким образом: согласием общественных сил и действием правящей власти. Недостаток одного из этих элементов может восполниться только усилением другого. Чем меньше единства в обществе, чем труднее связать общественные стихии, тем сильнее должна быть власть; и наоборот, правительство может распускать вожжи по мере того, как общество крепнет, соединяется и получает способность действовать самостоятельно. Поэтому обширное государство нуждается в более сильной власти, нежели малое: в первом общественные элементы разнообразнее, разрозненнее, имеют между

собою менее тесную связь и потому требуют большего внешнего скрепления. Из того же начала следует далее, что власть должна быть сильнее в стране, в которой различные сословия или классы далеко расходятся по своему образованию, положению, интересам, и нет между ними среднего, связующего звена; власть должна быть сильнее там, где мало личной энергии, где скудно образование, соединяющее людей вокруг общих начал, где партии кидаются в крайности, где в обществе господствует раздражительность и нетерпимость, где бесплодное волнение заменяет практическую деятельность. Отсюда и то явление, что анархия всегда вызывает деспотизм. Отсюда, наконец, необходимость сильной власти в эпохи переходные, при коренных преобразованиях. Тут затронуты все интересы, разгораются страсти, возбуждаются безграничные желания и надежды. Старое рушилось, новое не успело окрепнуть; никто не знает за что держаться. В такие времена наименее возможно внутреннее общественное единство, согласное действие различных общественных сил, а потому тем необходимее крепкая власть, которая могла бы сдерживать влекущиеся врозь стихии.

Отличительная черта русской истории, в сравнении с историей других европейских народов, состоит в преобладании начала власти. Со времени призвания варягов, когда новгородские послы, ровно тысячу лет тому назад, объявили неспособность общества к самоуправлению и передали землю во власть чужестранных князей, общественная инициатива играла у нас слишком незначительную роль. Русский человек всегда был способнее подчиниться, жертвовать собою, выносить на своих плечах тяжелое бремя на него возложенное, нежели становиться зачинателем какого бы то ни было дела. Только в крайних случаях, когда государству грозило конечное разрушение, народ вставал как один человек, изгонял врагов, водворял порядок и затем снова возлагал всю власть и всю деятельность на правительство, возвращаясь к прежнему, страдательному положению, к растительному процессу жизни. Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русскою империей. Власть стояла во главе развития; власть насильно насаждала просвещение, обнимая своею деятельностью всю жизнь народа - от государственного устройства до частного быта. Величайший человек русской земли, Петр Великий, сосредоточивает в себе весь смысл нашей прошедшей истории. И теперь еще этот характер не изменился: правительству принадлежит инициатива и исполнение тех великих преобразований, которые составляют честь и славу нашего века.

Таким образом вся русская история вела к преобладанию начала власти, оно сохранило свое значение до настоящего времени. Теперь мы чувствуем потребность в большей самостоятельности, нежели прежде; мы хотим свободы, общественной инициативы, и это желание вполне законно, потому что без этого невозможны ни разумная жизнь, ни полное развитие внутренних сил народа. Но это стремление, плод созревающей мысли, не должно становиться вразрез с тысячелетнею историей отечества; новая сила не должна явиться враждебною той, которая руководила нами до сих пор. Особенно в настоящем кризисе при тех реформах, которые совершаются, при той незрелости, которою мы страдаем, при том брожении, которое господствует в обществе, сильная власть нужнее, нежели когда-либо. Она должна размножиться, явиться на всех концах, во всех углах России, где прежде она слагала бремя на помещика. Она является посредником между обоими сословиями. Везде, где пресекалась крепостная зависимость, где нужно устроить управление, ввести новый порядок, взыскивать повинности, ограждать интересы, сдерживать незаконные притязания, везде должны присутствовать ее бдительное око и ее настойчивая деятельность. Везде к ней взывают и негодуют, когда слабеет ее энергия.

К счастью, наше правительство не нуждается в материальном подкреплении. Средства, которыми оно располагает для охранения внутреннего порядка, огромны. Случайно возникающие волнения представляют только легкую игру на поверхности общественного организма. Но, кроме материальной силы, нужна сила нравственная. Она основывается на любви народной и на поддержке со стороны разумных элементов общества. Первая не отойдет от правительства, освободившего крестьян; но в последнем отношении нельзя не заметить, что в русском обществе издавна произошел разлад. Либеральные меры, которые были приняты в продолжении последних лет, не только не излечили застарелой болезни, а, по-видимому, напротив, усилили раздвоение. Здесь лежит зло, на которое нельзя не обратить внимания, потому что оно лишает общественные силы возможности действовать согласно. Каждый русский человек, которому дорого отечество, должен по мере возможности содействовать единению, а не растравлять легкомысленно раны и не усиливать напрасного раздражения.

Конечно, восстановление этой связи прежде всего зависит от самой власти. Она тем более может рассчитывать на поддержку со стороны разумной части общества, чем тверже и рассудительнее она действует, чем менее она остается в одиночестве, чем более она старается изведать настоящие нужды края и удовлетворить существенным потребностям народа.

Но охранительное направление в обществе не может и не должно отказать власти в своем сочувствии и в своей поддержке при виде тех громадных реформ, которые ею совершаются, того желания добра, которое проявляется во множестве либеральных мер, и тех препятствий, которые предстоят на пути. Одолеть их можно только дружною деятельностью всех, а не внутренним разладом.

При этом охранительное направление удерживает всю свою независимость. Оно не отказывается от свободы суждения и не готово выступить на защиту каких бы то ни было мер. Общественное мнение - не бюрократия, обязанная исполнять и поддерживать данные ей предписания; это - самостоятельная сила, выражение свободной общественной мысли. Охранительная партия в обществе может выражать одобрение только тому, что согласно с ее собственными началами. В ней не найдут сочувствия ни реакция, ни заискивание популярности, ни подавление свободы, ни скороспелые нововведения. Но она не станет легкомысленно ополчаться на власть, подрывать ее кредит, глумиться над мелочами, упуская из вида существенное, поднимать вопль во имя частных интересов, забывая общую пользу. Охранительная партия преимущественно пред другими должна быть готова поддерживать власть, когда это только возможно, потому что сила власти - первое условие общественного порядка.

Обратимся к другим охранительным элементам.

4

Главное орудие власти в государственном управлении составляет бюрократия. Это опять элемент, который дается нам историею и современною жизнью.

В настоящее время бюрократия подвергается у нас таким же, если не большим нападкам, как и консерватизм. Она - корень всего зла; она стала между верховною властью и народом, задерживая правду, распространяя ложь, обращая все на свою собственную пользу. Неудовольствие, идущее от противоположных концов, сливается против нее в общий обвинительный голос.

Нельзя не сказать, что бюрократия во многих отношениях заслужила это общественное недоверие. Она долгое время была всемогуща и употребляла это положение во зло. Медленность, формализм, лихоимство, притеснения, своекорыстные виды, равнодушие к общему благу - вот явления, которые слишком часто встречаются в ее рядах и которые довели ее

до той степени непопулярности, на которой она ныне стоит. Но не надобно упускать из вида другой стороны дела. Несмотря на свои недостатки, бюрократия даже теперь заключает в себе едва ли не большинство образованных сил русской земли. А прежде и подавно; какой же образованный человек не вступал в служебные ряды? Если у нас существует гражданское устройство; если мы пользуемся внутреннею безопасностью; если помещики давно перестали разбойничать на больших дорогах; если есть средства сообщения, если устроены училища, гимназии, университеты; если в провинциях есть архитекторы, медики, инженеры; если законы собраны в общий свод, то мы всем этим обязаны бюрократии. Не забудем и то, что бюрократия была главным деятелем при составлении "Положения" 19-го февраля: она отстаивала интересы крестьян, она выбирала либеральных людей в члены комитетов, в редакционную комиссию, в губернские присутствия, в мировые посредники; она не только заготовила, но и приводит в исполнение это дело. Хвала ей и честь за то! она воздвигла себе вечный памятник. Наконец, бюрократия не одна виновна в тех прискорбных явлениях, которые мы видим в ее среде. На ней отражаются пороки всего русского общества. Будто другие сословия лучше? Или нам нужен непременно козел отпущения, на которого можно свалить общие грехи?

Как бы то ни было, бюрократия представляет действительную силу, без которой власть обойтись не может, без которой немислимо государственное управление. Русская бюрократия показала на деле если не свое нравственное достоинство, то свою внутреннюю состоятельность, свою способность действовать, охранять порядок, устраивать и скреплять государство. При бедности наших общественных сил таким элементом пренебрегать нельзя. Нам бюрократия совершенно необходима. Ее надобно по возможности очистить, возвысить, сдержать в пределах законности, окружить гарантами, поставить под контроль гласности, ограничить самоуправлением сословий, но она неизбежно должна остаться одною из существенных опор государственного порядка и внутреннего благоустройства.

К несчастью, Россия не имеет элемента, который в других странах служит самым надежным обеспечением против бюрократического произвола, самым твердым столбом права и закона, именно - магистратуры. Фридрих II возрадовался, когда мельник, которому он грозил отнятием имущества, отвечал: "Вам это не удастся; есть судьи в Берлине!" Такой ответ едва ли когда мог раздаться на русской земле. Нет, может быть, более грустного явления в нашей исторической жизни, как то, что у нас никогда не было праведного суда, который бы внушал к себе доверие общества. Со времени древних тиунов и судей-кормленщиков удельного периода судья в

народе считается чуть не синонимом с лихоимцем. Это зависит не от учреждений, не от случайного направления власти. Это просто элемент, который исторически не выработался, которого нет в народе. Выборные судьи несколько не лучше коронных; часто даже напротив. Мы всегда несколько удивляемся, когда наше дворянство жалуется на недостаточное ограждение лиц и имуществ и просит гласного судопроизводства и суда присяжных как единственных средств к установлению праведного суда. Но Боже мой! кто же мешает дворянству выбирать порядочных судей, которые бы доставляли ограждение лицам и имуществу? Отчего наши областные суды вообще не отличаются бескорыстием? Отчего так часто встречаются в них самые нелепые решения, так что остается одна надежда на апелляцию?

История не выработала нам даже зачатков правильного судоустройства. Тут нечего сохранять; тут все предстоит начинать сызнова. Надобно положить первые основания специальному сословию судей и адвокатов и поставить их под контроль гласности. Пока этого нет, пока судьи набираются случайно, по выбору или по назначению, из людей, которые никогда не готовились на это поприще и не видят в водворении правды призвания жизни, пока судопроизводство покрыто канцелярскою тайной, нельзя говорить о суде как о существенном элементе государственного благоустройства. Тут не помогут благие намерения. Наилучшие судьи - действующие втайне, а тем более власть, карающая административным путем, всегда подвергнутся нареканиям в несправедливости. Доверия к своим приговорам они внушить не в силах. А без суда, независимого в своих действиях, представляющего гражданам надежную гарантию, нет сознания права, нет уважения к закону. Охранение права и порядка ниспадает в руки полиции; на место суда водворяется расправа, на место закона - произвол. Таков действительно преобладающий характер нашего гражданского развития, оно всегда скреплялось властью, а не законом.

В нынешнем положении общества при этом оставаться невозможно. Освобождение крестьян, развитие общественной самостоятельности требуют обеспечения прав и твердого законного порядка. В мировых учреждениях зарождается начало законности; мировые посредники творят не только расправу, но и суд, разграничивая права и обязанности сословий. Некоторые в этом отношении идут даже слишком далеко: призванные быть не только судьями, но и администраторами, они вовсе не хотят творить расправы. Они забывают, что надеяться на одну силу суда можно только там, где утвердилось уважение к закону, где судебный приговор всегда исполняется быстро и беспрекословно. Законность не падает внезапно с неба. Нет, может быть, ничего, что бы требовало столь долгого времени, дабы упрочить свое

существование, как это основное начало всякого благоустроенного общежития. Доверие и уважение к нравственным силам укореняются вековой привычкой. Главное дело принадлежит здесь власти. Воздерживаясь от произвола, обставляя себя законными формами, твердо следуя законному порядку, она указывает путь и заставляет общество видеть норму и гарантию в том, что прежде казалось ему насилием и притеснением.

За недостатком суда современная жизнь представляет нам другой элемент, который может служить противодействием излишнему расширению бюрократии. Это - сила корпоративного устройства, сословного и общинного, в особенности первого, которое обнимает более широкую сферу и имеет значение не только местное, но и государственное. Корпоративное начало не всегда и не везде играет одинаковую роль. Отношение его к свободному развитию общественных сил представляет аналогию с отношением власти к свободе. Корпорация тем нужнее, чем менее общество имеет стремления группироваться около разумно понятых интересов, чем менее отдельные лица способны собственной энергией и соединением сил поддерживать начала гражданственности. Там, где корпорации не разбились движением истории, где они не превратились в ветхий остаток исчезнувшей жизни, они могут отвечать двум весьма существенным потребностям общества.

С одной стороны, корпоративное начало служит опорой порядка, зерном общественной организации. Оно связывает лица в постоянные союзы, подчиняет их общему духу, заставляет их примыкать к общим интересам. В корпорации каждый находит принадлежащее ему место; права и обязанности определены; деятельность совершается в начертанном законом круге. Это - школа гражданской жизни и одно из самых сильных противодействий всякого рода безмерным требованиям и притязаниям.

Нет спору, что все это делается искусственным образом, отчего проистекают неизбежные невыгоды: стремление к замкнутости, к исключительности, разобщение с другими, предпочтение частных интересов общим, уничтожение свободного соперничества. Но это зло, с которым надобно помириться, пока общество не нашло себе других прочных жизненных основ. У нас, при скудости образования, при шаткости политических понятий, при нашей неспособности действовать сообща, умеренно, твердо и постоянно, нет возможности основать гражданский порядок на свободной деятельности лиц, на случайном их соединении. Пока у нас не разовьются и не окрепнут образованные элементы, нам остается

держаться корпоративного начала, которое выработалось исторически и доставляет обществу организацию, упроченную временем.

С другой стороны, сила, которая приобретается лицами в корпоративном союзе, обеспечивает им независимое положение. Случайная ассоциация или раздробленная деятельность людей никогда не могут иметь такой вес и такое значение, как постоянное гражданское устройство. Пока общество не окрепло, общественная самостоятельность растет под сенью корпораций. Конечно, корпоративное устройство без оживляющего ее духа ничего не значит: но когда общественный дух пробудился, корпорация дает ему исход и воспитывает его силы. У нас уничтожение сословий проповедуется главными врагами бюрократии. Они не замечают, в какое они впадают противоречие. Общество, в котором исчезли сословия, естественно стремится подпасть под владычество бюрократии, которая остается единственною организованною силой в государстве. Неорганизованные стихии никогда не могут бороться с организованными.

В странах, где история привела ко всеобщему равенству прав, обеспечением против этой склонности служат другие учреждения, столь же крепкие, как и бюрократия. Таково судебное устройство, которое доставляет гражданам гарантию от произвола; но главное - таким оплотом служит представительное собрание, облеченное действительною политической властью. В неограниченном правлении при недостатке суда одно корпоративное устройство может оградить общественную независимость от безмерного владычества бюрократии; только при нем возможно водворение законности в государстве.

Первое место в ряду сословий занимает дворянство. Наследственность высокого положения дает сословию дух независимости, соединенный с сознанием права, с чувством власти, с твердостью и достоинством. В наследственности политических прав нельзя не видеть одного из самых прочных элементов государственной жизни. Она представляет надежный отпор и произволу, и анархии. На этом основана всякая аристократия, при всем разнообразии форм, которые это начало принимает в истории.

В Англии наследственная палата пэров составляет посредствующее звено между монархом и представителями народа. Там аристократия постоянно шла во главе гражданского развития, защищая свободу против деспотизма и отстаивая власть против напора демократических стихий. У нас история не выработала подобной аристократии, а где она не выросла исторически, там ее создать невозможно. Но и у нас существует наследственность политического положения: оно принадлежит целому сословию дворянства, как это было во Франции и в Германии.

Можно спорить о преимуществах и недостатках той и другой формы наследственности. Нельзя не согласиться, что вообще привилегированное наследственное положение сословия имеет многие невыгодные стороны, невыгоды, которые становятся, впрочем, гораздо ощутительнее, когда нужно насильно поддерживать преграды, нежели когда они даются самым строем жизни. Но опять же это - неизбежное зло, пока общество не приобрело других основ, столь же прочных, пока свободные стихии не достаточно окрепли, чтобы заменить существующие силы. По глубокому замечанию Монтескье, монархия отличается от деспотизма теми подчиненными и посредствующими телами, через которые она действует, и в числе этих тел первое место принадлежит дворянству. В неограниченной монархии существование его одинаково необходимо и в интересах правительства, и в интересах народа. При настоящем нашем положении нельзя себе представить большего ослепления, как самоуничтожение дворянства во имя либеральных идей. Если кто может возвысить голос, если какая-нибудь часть общества может иметь влияние на дела, так это единственно дворянство. Рассыпанное в массу, оно потеряет всю свою силу. Столь же противно здоровой политике превращение дворянства в сословие землевладельцев. Здесь исчезает вся нравственная сторона, отпадает государственное положение, которые именно и дают дворянству главный вес и значение. Притом новое сословие никогда не может заменить старого, окрепшего веками и носящего в себе предания.

Нельзя не упомянуть здесь и о другой корпорации, вопрос о существовании которой был поднят в последнее время. Мы говорим об университетах. Соблазну превратить аудитории в публичные собрания естественно поддаются те, которые увлекаются современным либеральным потоком. Все их внимание устремлено на одну сторону - на расширение свободы, а потому всякое задерживающее или зиждущее начало представляется им препятствием развитию общественных сил. Но здесь корпоративное устройство имеет значение не временное, не местное, а постоянное, проистекающее из самого существа учреждения - из учебной его цели. И здесь опять здоровый корпоративный дух служит противодействием умственной анархии; он является хранителем научной мысли, серьезного труда и просвещенного влияния на молодые поколения, которые стекаются в университеты. Наука двигает общественную мысль, но она же служит и умеряющим началом. Для нее дороги связь вещей, разумное и спокойное понимание явлений. Наука есть разум созидающий. Отсюда та ненависть, которую питают к ней представители того беспутного брожения, того раздраженного безмыслия, которое, как бы в насмешку, величают названием жизни.

Таким образом, деятельность бюрократии ограничивается силою корпорации. Это два элемента, которые друг друга уравнивают. Их взаимодействие, обеспечивая все интересы, представляется лучшим путем для развития нашего государственного быта. Как бюрократию следует не уничтожать, а утвердить, улучшая, так и корпорации следует укреплять, упрочивая их права, пополняя их новыми элементами, когда они в том нуждаются, и сближая их в общей деятельности, чтобы достигнуть согласия общественных сил.

Все это - стихии, которые даны нам историею. Но охранительная партия может столь же твердо стоять и за новое начало, за новое учреждение, если оно обещает сделаться зерном прочной государственной организации. Таким учреждением представляется нам Положение 19 февраля.

Из всех преобразований, которым подвергается Россия, самое настоящее, самое плодотворное то, которое глубже всех захватывает жизнь, которое одно в состоянии повернуть всю историю народа - это, бесспорно, освобождение крестьян. В нем для России заключается все. Таковую меру нельзя ни взять назад, ни задержать, ни своротить в сторону; раз введенная в действие, она силою вещей должна изложить все свои последствия. И этот великий переворот был произведен одним актом - Положением 19 февраля. Русский человек может с радостью остановиться на этом явлении. В нем есть все, что составляет великую законодательную меру: зрелое обсуждение вопроса, истинно либеральный дух, соблюдение всех существенных интересов, твердое и ясное постановление начал, сохранение меры в ходе преобразования, наконец, возможность улучшения в частностях. Нам до сих пор не удавалось слышать ни одного существенного возражения против Положения 19 февраля. На него восстают нетерпеливые, которые хотят разом покончить дело, разрешить все затруднения; но кто не поймет, что подобный переворот, обнимающий столько отношений, не может совершиться одним почерком пера, что тут нужно время, нужны переходы, не всегда легкие, но всегда более полезные, нежели внезапные скачки?

Говорят, что Положение никого не удовлетворило, ни помещиков, ни крестьян; но есть ли возможность разрешить вопрос к общему удовольствию там, где одна сторона хочет дать как можно менее, а другая желает все взять? При таких условиях справедливое решение должно возбудить неудовольствие обоих тяжущихся. Время примирит их с преобразованием и покажет им, что они были неправы.

Нет сомнения, что затруднения велики. Дворянство в особенности приносит значительные жертвы общему делу; расстройство хозяйства, уменьшение доходов - вот последствия освобождения крестьян. Но кто же

мог воображать, что такое дело можно разрешить припеваючи, что оно может обойтись без болезненного перелома? На это нужно ребяческое легковерие. Временный кризис неизбежен при переходе от крепостного труда к вольнонаемному, при выходе 23 миллионов людей из частной зависимости. Никакой закон не мог этого предотвратить. Как скоро было затронуту полновластие помещика, как скоро он лишился главного орудия своей деятельности, так весь хозяйственный и домашний его быт должен был измениться. А при этом невозможно миновать кризиса. Меньшие льготы крестьянам породили бы только большее неудовольствие, лишние смуты, а потому большее расстройство для самих помещиков. Отечество требует от нас этой жертвы, и дворянство должно с радостью ее принести; это искупление за все те выгоды, которые оно доселе извлекало из крепостного права.

Как бы то ни было, дело сделано, и переменить его нельзя. Теперь самые противники Положения 19 февраля должны признать, что только в неуклонном его исполнении лежит спасение от шаткости всех прав и обязанностей, от расстройства всех общественных отношений. Что подумает народ, и без того обнаруживающий самые скудные понятия о гражданском устройстве, если у него сегодня отнимут то, что ему дано вчера? Возможно ли тут утверждение собственности на прочных началах? Возможно ли сознание права и закона? Законодательство, которое идет то вперед, то назад, которое ежеминутно отступает от собственных своих положений, лишает народ самой твердой опоры порядка, подрывает к себе уважение, делает невозможными всякие виды на будущее, всякие прочные предприятия. Административные учреждения можно менять, соображаясь с опытом; но законы, которые касаются частного быта, на которых утверждаются права собственности, должны лежать незыблемой твердыней. Когда необходимы перемены, они должны совершаться таким актом, который бы разом пресек недоумения, который бы не подлежал дальнейшим переделкам и был бы обеспечен против шаткости разносторонних соображений. Иначе гражданину, в самых близких ему отношениях, нет гарантии от произвола.

Положение 19 февраля изменило отношение партий, или, лучше сказать, направлений в русском обществе. Многие консерваторы сделались рьяными либералами, либералы, напротив, становятся консерваторами. Одни, неисправимые прогрессисты, которые ищут только движения для движения, остались на месте и еще с большим ожесточением продолжают требовать преобразований, по-видимому, не замечая тех громадных событий, которые пред их глазами изменяют целую жизнь народа. К ним примыкают приверженцы старого порядка, задетые в своих убеждениях и в своих

интересах. Из этого составляются чудовищные коалиции; в общем раздражении сходятся люди самых противоположных направлений. Но те умеренные либералы, которые желают мирного и законного развития учреждений, разумной самостоятельности общества и согласной деятельности правительства и народа, могут остановиться на Положении 19 февраля, как на краеугольном камне, на котором должно основаться новое здание России. Их дело теперь не беспокойное стремление вперед с вечно новыми притязаниями, а охранение и развитие того, что уже установлено. Либеральные начала, положенные в жизнь, надобно разработать и упрочить незыблемо. Теперь истинный либерализм измеряется не оппозицией, не прославлением свободы, не передовым направлением, а преданностью Положению 19 февраля, которое освободило 23 миллиона русских людей и оградило все их существенные интересы. Этому же должно держаться и разумное охранительное мнение. Консерватизм и либерализм здесь одно и то же.